

дубина, скрипку я держал, как паралитик, и звуки издавал адские. Папа брал свою скрипку и играл гамму. Слушая его, мне становилось ясно, что я бездарность, которую нужно бить смычком по рукам, что на меня зря тратят время, и скрипачом я стану тогда, когда на ладонях папы вырастут волосы. Я не знал, как долго растут волосы на ладонях, но понимал, что это дело далекого будущего.

Однажды я спросил у педагога Мордковича, сколько примерно времени обычно занимает рост волос на ладонях. Тот долго смотрел на меня, не понимая, и тогда пришлось ему объяснить, что, по мнению папы, я стану скрипачом тогда, когда на ладонях отца появится растительность. Мордкович ужасно разозлился, лицо его сначала покраснело еще больше, потом побелело, и он сказал, что у сына его отца есть все данные стать серьезным музыкантом еще при его, Мордковича, жизни, тем самым задав мне новую загадку: как долго Мордкович будет жить? А если ему завтра кирпич упадет на голову или он попадет под трамвай, — что тогда? Я почувствовал свою полную зависимость от двух музыкантов, и что-то мне расхотелось становиться третьим.

Все лето я занимался музыкой. Легкая поначалу скрипка к концу второго часа гамм наливалась чугуном, ладони потели, и пальцы не держали смычок. В связи с моими занятиями мама мыла пол дважды в день, в углу жужжал вентилятор, но ребенок изнемогал. Испытательный срок, или подготовительный период, заканчивался, на носу был сентябрь месяц, и пора было выбирать школу. Вопрос, пойду ли я в специальную, имени Столярского, или в обыкновенную, среднюю, должны были решить родители совместно с педагогом Мордковичем. Они ушли на собеседование, а я одиноко бродил по школе, смотрел на старших учеников с футлярами со скрипками подмышкой и удивлялся: кому же нужно столько скрипачей?

Родители вернулись хмурыми, мама не смотрела в сторону папы, а тот, сунув кулаки в карманы, не смотрел на сына. Какой там был разговор, мне неизвестно по сей день, но первого сентября я пошел в первый класс средней школы номер 39 с обязательным посещением три раза в неделю класса педагога Мордковича.

Говоря о школе 1940 года, прежде всего, вспоминаются тяжелые, как танки, двухместные парты с откидными досками и покатыми столешницами, выкрашенными густой липкой черной краской. Потом незабываемый запах дезинфекции в коридорах, как в больницах или дворовых уборных. И еще тетрадки — тощие, с шершавой бумагой, в которую была впрессована необработанная деревянная стружка, и перо номер восемьдесят шесть, спотыкаясь о нее, брызгало фиолетовыми чернилами, оставляя на только что написанной странице с палочками жирные кляксы, — и приходилось начинать новую страницу с этими палочками, потом палочками с крючочками, потом с двойными палочками — и так дальше, до умопомрачения. Придя домой, я наскоро мыл руки и ел полдник. Мама смотрела на осунувшееся лицо ребенка и тяжело вздыхала. Еще бы, при такой нагрузке! Мне разрешалось полчаса почитать, потому что нужно было готовиться к уроку по музыке. Оттого, что гаммы уже не скрежетали под моим смычком, они не становились музыкой, и если в этом заключалась учеба в школе им. П.С. Столярского, то я предпочитал писать фиолетовыми чернилами бесконечные идиотские палочки вместо бесконечных идиотских гамм — и к черту Столярского вместе с Мордковичем.

Так прошел год. Я закончил первый класс с похвальной грамотой, на которой были напечатаны портреты Ленина и Сталина в золотых овальных рамках, а педагог Мордкович поздравил маму и папу с успехами сына на поприще музыки, заверяя, что его класс с удовольствием примет такого талантливого ученика.

А пока впереди было скучное лето. Теперь, после тяжелого учебного года, меня наверняка увезут в деревню, где по ночам в матрацах будут копошиться блохи, а утром будет раздаваться утробное мычание коров, и нужно будет искать свою кружку, и тащить через двор в коровник, и пить душное жирное молоко, пахнущее прелым сеном и коровьем выменем.

Но все решилось иначе. Однажды утром, когда я ночевал у бабушки на Коблевской и Ольгиевской, меня разбудили громкие разговоры, какой-то шум, вскрикивания, потом торопливый, взхлеб, шепот. Я вышел из спальни в гостиную. Бабушка, очень взволнованная, разговаривала с кем-то по телефону, который висел на стене у балкона, и бабушку то и дело закрывал штофный тюль занавесей. Так я узнал, что началась война, что обязательно нужно запастись мылом, солью и спичками, и что детство мое закончилось.

Михаил ОБУХОВСКИЙ

Если не мы, то кто?..

"Как часто в нашей переписке возникают похожие воспоминания. Если мы еще сохранили крохи памяти о предках, то следующие поколения уже не смогут даже их вспомнить".

Из писем Зинаиды Долговой

Мой прапрадед (Пи-Пи-Ди, как мы говорили) Моисей Обуховский был кантонистом — предтечей суворовских училищ, последователем египетских мамлюков и примером для африканских детей-солдат. В начале тридцатых годов позапрошлого века в возрасте 12 лет его забрали на военную службу на долгие 25 лет. Потомков созданных Петром гарнизонных школ, оторванных от корней, лишенных возможности соблюдать еврейские обряды, мальчиков забирали раньше 13 лет, чтобы они не смогли сделать Бар-Мицву, ведь целью кантонизма была не только подготовка квалифицированных, технически грамотных унтер-офицеров, но еще и ассимиляция евреев. Норма призыва в армию для евреев была три из тысячи военнообязанных — "записанных лиц мужского пола", тогда как для других конфессий эта норма была — один человек.

Забранных в солдаты ожидало насильственное крещение. Отказавшихся прогоняли сквозь строй, и редко кто выживал после палочных ударов. За разговоры на идиш, празднование Песах или Йом-Кипур детей помещали в карцеры с мокрым холодным полом.

Чтобы окончательно отрезать корни кантонистов от их семей, при крещении мальчикам давали новые, христианские имена, — отсюда Воронов, потомки еврейских выкредтов — Менделеев, Мечников... А в одной семье в глубине России старший брат хотел убить царя, а младший пошел другим путем.

От полной ассимиляции еврейских кантонистов (их называли еще "николаевскими солдатами") спасла смерть Николая I. В книге о кантонистах Эммануэль Флиссин определяет кантонизм как "армию еврейских детей". За годы существования рекрутов-кантонистов (1827-1856) отбывало 25 лет более 50 тыс. солдат. В царствование Александра I условия службы значительно улучшились, а затем и сам кантонизм был отменен.

А пока, в поколении моего ППД, среди выживших шел отбор самых толковых детей-солдат. Их учили грамоте и отдавали служить в фортификационные войска, где требовались специальные знания. Наиболее способных набирали в артиллерию, которая составляла основу технических средств армии. В Крымскую войну при отражении атак

полукиких зуавов и вышколенных англичан артиллеристы мортирной батареи, где служил мой Пи-Пи-Дед, проявили героизм, отмеченный в приказе адмирала Истомина. Знаменитый хирург Пирогов писал об особом мужестве и боевой выучке евреев-кантонистов. Так что земля Малахова кургана полита и еврейской кровью. Помню, как у Толстого я наткнулся на рассказ о мужестве кантониста Максимыча и о том, как он обкладывал всех "матюгами" на идиш...

К концу Крымской войны империя была истощена. У евреев брали уже за два года до тридцати кантонистов с одной тысячи. С 1844 солдатским крестом Св. Георгия стали награждать и иноверцев, в это число попал и мой Пи-Пи-Дед.

После полных 25 лет военной службы, что совпало с окончанием Крымской войны, Пи-Пи-Дед вернулся в родной городок Новогеоргиевск... Написал "родной", но я не знаю точно, поселился ли он там, где прежде жила его семья, или ввиду потери всех связей — там, где застал его конец военной службы. Ему было уже больше 40 лет, и он должен был начать жизнь заново. Он построил дом в Новогеоргиевске, там, где Тясмин впадает в Днепр, растил двух детей.

По семейным легендам, Пи-Пи-Дед любил публично издеваться над городовым, стоявшим на центральной площади городка, который должен был при встрече с георгиевским кавалером (а Пи-Пи-Дед получил Георгия "на ленте") отдать честь... даже если тот был евреем и носил ермолку. Эта церемония повторялась многократно, пока Пи-Пи-Дед ходил вокруг городского, и была одним из немногих развлечений для жителей Новогеоргиевска, больше половины которых составляли евреи.

Вернувшись грамотным повидавшим мир человеком (Туркестан, "Кавказ"), Пи-Пи-Ди помогал землякам писать прошения и письма, мог оценить имущество для податей, надписать заграничный адрес на конверте. Но самой невероятной было передаваемая из поколения в поколение легенда, что он знал французский, которому его учили пленные зуавы. Штыковой атаке он был обучен, а вот умению берберов, родившихся в Атласских горах, сидеть сутками в засаде, чтобы поймать кого-нибудь на мушку, надо было учиться.

"По-французски говорят у Франсии, ихний язык не трудный, — говорил он, — стафь увереди "ля" — и вот уже ихние слова: ля плафон, ля плянше. Это называют артикель".

Наверное, эти "французские артикли" мое-

го Пи-Пи-Деда и сохранились в семейной хронике. А иначе почему у меня оказалось больше всего проблем именно в определении артикля и рода? Правил для определения рода практически нет. Почему стол — она (la table), а кровать — он (le lit)?

Вот и вспоминал я ППД, заучивая французские артикли.

Орденский капитал (пенсия) позволял содержать семью. Может быть, именно поэтому ППД был ограблен. В одну из ночей 1860 года Моисей проснулся от громкого шепота жены: "Моше, Моше... У нас воры... Бандиты...". Моисей продолжал лежать, а когда грабители связали в узлы вещи, он встал, большого роста (а мужества было не занимать), взял грабителей за шиворот, ударил друг о друга и выбросил в окно (так это произошло, по рассказам дедушки Давида).

На следующую ночь бандиты решили отомстить и подожгли дом.

Моисей вынес детей и жену, а когда вернулся, чтобы взять мундир с Георгиевским крестом, горячая крыша рухнула и накрыла его.

Так окончилась жизнь моего прапрадеда, георгиевского кавалера, кантониста.

Один из спасенных детей, Пинхас, впоследствии стал моим прадедушкой.

А кто передаст это дальше, кто допишет "семейную книгу"?

Ведь если не мы, так кто?

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org